

НЕПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (СЛОВА С КОРНЕМ -ДУР- В СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА)

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

А. Ахматова

В статье на основе лексикографического анализа описываются семантические, прагматические, фразеологические, стилистические свойства слов с корнем -дур-. Просторечная и разговорная лексика в поэтическом словаре авторов серебряного века встречается не только в позиции прямой или косвенной речи, но и в авторском тексте. Слова с обозначенным корнем имеют амбивалентные культурные коннотации (ср. дура — дуреха, дурак — дуралей и др.), выполняют различные функции. Материалом исследования является «Словарь языка поэзии начала XX века» (СЯРП). Он позволяет проследить общие тенденции развития разных идиостилей.

Ключевые слова: дурак, дура, дурашливый, лексикографический портрет, семантическая структура, коннотации.

Сниженная лексика в поэтическом произведении обладает сильной экспрессией, образностью и многозначностью, может выполнять различные функции, которые согласуются с жанром произведения или его стилистическим заданием. Прием введения в стихотворное произведение сниженной бранной лексики становится ярким стилистическим знаком, захватывающим в том числе уровень ритма и звукообраза (— *Завела аму — уры! В подворотне — шавки: — Урры, урры, дуры!* РП Цв919 (1,468.2)); служит речевой характеристикой персонажа; ситуации. Маркирует принадлежность к определенной группе как автора, так и читателя, т. е. выполняет не только оценочную

функцию, но и функцию выделения «своих» от чужих. В последнем случае пейоративная окраска слов сглаживается.

До некоторой степени включение указанной лексики в поэтический текст поднимает ее стилистический регистр. Лексемы словообразовательного гнезда с корнем -дур- в толковых словарях имеют пометы как *прост.*, так и *разг.*, некоторые единицы вообще не маркированы. В СЯРП данные слова определяются как разговорные. Нужно обозначить специфику введения в текст таких лексем.

До XX века поэтические жанры были строго соотнесены с определенным стилистическим регистром (высокие, средние, низкие). И сниженная лексика, соответственно, могла быть использована только в низких/средних жанрах.

Например, А. Д. Кантемир в произведении «Из Буало. Сатира первая» (1727–1729) свободно использует сниженную лексику:

*Есть, что и стихотворцы часто были в моде,
Но дураками зовут их в нынешнем годе;
Хотя б был лучший разум и творец рассудны,
Пред Ангелием шутом вход ему есть трудный.*

Постепенно границы жанров размывались, и эстетическое задание сниженной лексики также обновилось.

Этимология слова «дурак» не содержит прямых указаний на основной семантический компонент: нарушение «интеллектуальной» нормы — у интересующих нас слов. Однако включает свойства и качества, указывающие на отклонение от обычного положения вещей: Укр., блр. дур, словен. *dur* ‘пугливый, дикий’, чеш. *dur* ‘свое-нравность, коварство’, польск. *dur* ‘умопомрачение’; производн. с суф. -г- однокоренное с **duti* (рус. дуть), **dux* (рус. дух). Сюда же дурной [Толковый словарь 2007].

Диффузность значения этого слова связана с тем, что слово «дурак» можно отнести к ключевым понятиям культуры, которые имеют особую значимость.

Такие слова называют «ключевыми словами культуры» (А. Вежицкая), «константами» (Ю. С. Степанов), «логоэпистемами» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В. В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З. Д. Попова, И. А. Стернин). В поэтической картине мира переплетаются языковые и культурные коннотации и смыслы. В языковой картине мира выделяются

следующие элементы смысла: 1) «слабоумный, лишенный рассудка человек» (отступление от медицинской нормы), 2) «глупый человек» (отступление от интеллектуальной нормы), 3) «неадекватный человек» (неадекватное поведение в ситуациях частной и общественной жизни); 4) наименование карточной игры; 5) шут; 6) тяжелый объект большого размера (только в форме ж. р.).

В рамках данной модели концепта «дурак» номинации, как правило, являются пейоративно окрашенными, т. к. отступают от аксиологической нормы, которая по своей природе всегда положительна.

В основе мифологической модели лежит фольклорный образ «дурака» из русской волшебной сказки. Для сказочного «дурака» релевантными оказываются высокие душевные и моральные качества (доброта, бескорыстие, бесхитростность, нестяжательство), за которые он награждается удачей и счастьем. Содержание образа может редуцироваться до семантического признака 'человек, которому везет'.

Образ дурака также соотносится с русским культурным явлением юродства. Концепт «дурак» апеллирует к таким чертам поведения и сущности юродивого, как открытость, правдивость, обладание высшими духовными добродетелями (святость, праведность), самоотречение.

Таким образом, в мифологической картине мира дается положительная оценка образа дурака. Еще одну важную характеристику героя русских сказок описывают В. В. Иванов и В. Н. Топоров — авторы словарной статьи «Иван Дурак» в Мифологическом словаре: дурак — носитель особой разновидности поэтической речи. Как считают исследователи, «он воплощает первую магико-юридическую функцию, связанную не столько с делом, сколько со словом, с жреческими обязанностями. Иван Дурак единственный из братьев, кто говорит в сказке. И. Д. — носитель особой речи, в которой, помимо загадок прибауток, шуток, отмечены фрагменты, где нарушаются или фонетические, или семантические принципы обычной речи, или даже нечто, напоминающее заумь; ср. бессмыслицы, нелепицы, языковые парадоксы, основанные, в частности, на игре омонимии и синонимии, многозначности и многоореферентности слова и т. п.» [Иванов, Топоров 1991: 228–229].

Несмотря на синкретичность образа дурака, интересующие нас лексемы относятся в том числе и к бранной лексике. Брань — это 'оскорбительные, бранные слова; ругань' [ССРЯ 1991: 737].

Конечно, бранная лексика и фразеология не является табуированной, как обценная, но сближается с последней на основе эмоционально-экспрессивной реакции на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т. п.

По классификации Мокиенко, «Дурак (дура)» входит в группу русской бранной лексики — «Наименования лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками типа»: ‘глупый, непонятливый человек’: дурак, болван, оболдуй, остолоп, недоумок, дуб, дубарь, гегемон, тормоз, круглый дурак, олух царя небесного, дубина стоеросовая, с тараканом в голове (в котелке), с прибабахом, чурка с глазами, сибирский валенок и т. п.

Разнобой стилистической характеристики в разных лексикографических продуктах: *народн. пренебр.*; *пренебр. грубо*; *ирон. грубо*; *прост. ирон.* или *шутл.*; *неодобр. грубо*; *прост. пренебр.*; *прост. шутл.*; *ум.-уничиж. пренебр.*; *ум.-уничиж.* или *ум.-ласк. пренебр.*; *уменьш. и ласк.*; *прост. пренебр.* и *шутл.*; *устар.* и *в прост.*; *разг. фам.*; *истор.* (ср. материалы словарей: ([Ушаков 1935–1940]; [ССРЯ 1954: 1161–1167]; [Мокиенко 2003]; [Толковый словарь 2007]).

В СЯРП собрано 39 единиц с корнем -дур-. Методом сплошной выборки мы выписали интересующие нас лексемы, ориентируясь на заглавные слова Словаря. Словарная статья СЯРП включает в себя стихотворные строки из источников Словаря — произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Все строки-контексты сопровождаются шифрами, например: Анн909, Ахм912, АБ914, Ес915, Куз916, ОМ918, М920, П921, Хл921, Цв935.

Чаще других в указанных идиостиях встречается слово «дурак». В поэтическом языке представлены и окказиональные образования (см. пометы *нов.*). Некоторые лексемы встречаются в идиостиле одного автора: дурак-батрак, дурачество, дурашливый, дюррак, придурковато и др. Мы приводим список интересующих нас слов с указанием частоты, стилистических помет, в наиболее интересных случаях указываем автора поэтического текста: дура 23 (разг.; тж бран.); Катька-дура АБ; дурак 37 (разг.; тж бран.); Иван-дурак; Царь-дурак; дурак-батрак (нов.) Ес; дуралей (разг.) Ес; дурацкий (разг.) АБ 2, Цв; дурачь (разг.) Хл; блаженно-дураческий; дурачество (разг.) П; дурачок 3 (разг.) АБ, Анн, Хл; дурашливый (разг.) Ес; дурашный (прост.) Анн; дурен П; дурень (прост.) Цв 5, М 2; дуреть (прост.) П; дурья

(прост.) П; дурий (прост.) М 2; дурить (разг.) Ес; дурища (прост.) Цв; Дурость-така-соплячество (нов.) Цв; дурочка 3 (разг.) Ахм, Куз, Хл; дурь 8 (разг.) Хл, Цв 5, Ес 2, Куз; дурь-ты-деревня (нов.) Цв; дюррак (вар. к дурак) Хл; одураченный (разг.) М; одурачить (разг.) Хл; одурев (разг.) П; одуревши (прост.) Ес; одурённый (разг.) Анн, П; одуренье (разг.) П; одурь 9 (разг.) Анн 2, П 2, Хл, М, Цв, Ахм 2; одурять М, П2; одуряющий Анн, ОМ; одуряя П; придурковато Куз; сдуревший (прост.) П; сдуреть (прост.) М; сдуру (разг.) П 2.

Анализ словообразовательного гнезда лексемы *дурак* показал высокую активность в пределах данного поля, что свидетельствует об актуальности концепта «дурак» и его заметном месте в поэтической картине мира. Гнездо лексемы *дурак* представляет весь частеречный спектр. Слова можно распределить по четырем семантическим группам: 1) отступления от нормы, непосредственно присущие лицу, предмету или явлению: дурацкий, дурной, дурачок, дурий, дурить ('совершать глупые поступки'), придурковато, сдуреть, сдуру и т. д.; 2) отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта: дурачься, валять дурака ('вести себя несерьезно, шалить'), дурачество, дурашливый, дурашный и т. д.; 3) отступления от нормы, связанные с ситуацией обмана: дурить ('обманывать'), одураченный, одурачить, одурять и т. д.; 4) отступления от нормы под воздействием каких-либо внешних воздействий или внутреннего эмоционального состояния: дуреть, дурь и т. д.

Первая из указанных групп является самой обширной по лексической представленности, к ней относятся номинации, репрезентирующие все элементы смысла «слабоумный, лишенный рассудка человек», «глупый человек» и «неадекватно поступающий человек». Большинство номинаций оказываются пейоративно окрашенными (кроме единиц, принадлежащих группе 'отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта', и субъективно-оценочных номинаций с уменьшительно-ласкательным или ласкательным значениями дурачок, дурашка и т. п.).

Лексема ДУРА (23) [разг.; тж бран.] чаще других используется Цветаевой (10): «<...> — Д. старая, что хнычешь? Али жалко, что последний День встает наш, Царь-Девыцын?» — РП Цв920 (111,197) и Маяковским (8): *Недавно уверяла одна дура, / что у нее / тридцать девять тысяч семь сотых температура.* Ирон. М921 (93).

По одному контексту находим у Блока, Хлебникова, Кузмина, два контекста у Пастернака.

Так как *дура* — эмоционально и экспрессивно окрашенная лексема, то определений у слова минимум: господни М; старая, новая, праздные Цв; бесноватые П.

Метапоэтические замечания о рифменной паре «дура — цензура» находим у Цветаевой: *Ох, брадатые авгуры! Задал, задал бы вам бал Тот [Пушкин], кто царскую цензуру Только с дурой рифмовал, Цв931 (11,281)*

Лексема включается в три фразеологизма: *губа не дура; дура из дур; как дура: Пока / по работам / Том болтается, / — у Кубы / губа не д. — / жену его / прогнали с плантаций / за неотработку / натурой. М925 (181); Лишилась дара речи... рву косынку, Как дура.. А Эдит моя лежит — Как спит; РП Куз928 (320).*

Большое количество цитат представляет собой речь персонажей. В Словаре такие контексты отмечены — РП (речь прямая): *Серчают стоящие навловцы. «В политику... / начали... / баловаться. / Куда / против нас / бочкаревским дурам?! <...>» РП М927 (539).*

Сочетание «каменная дура» воспроизводится у Хлебникова. Оно представляет собой определение каменных изваяний, поставленных скифами и половцами в честь умерших предков: *И доски каменные дур, Тоска о кобзаре, [рфм. к жур; о каменных бабах] Хл920 (275).*

Лексему ДУРАК (37) [разг.; тж бран.; ду... Хл909,10; см. тж ДЮРЬ-РАК] чаще других включает в свои произведения В. Хлебников (10). По одному примеру находим у Анненского, Ахматовой, Кузмина, по четыре у Есенина и Пастернака, по три стихотворения у Мандельштама, по две цитаты у Блока и Цветаевой.

Лексема *дурак* используется в значениях:

Дурак — умалишенный: Куда ушла усталость, И робость, и тоска... Была ли это жалость К судьбишке дурака, — Анн906 (169).

Дурак — глупый человек: Укладбища направо пылил пустырь, А за ним голубела река. Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь Или замуж за дурака...» РП Ахм909 (21.3); В зал многолюдный и многоколонный Спешит мертвец. На нем — изящный фрак. Его дарят улыбкой благосклонной Хозяйка — дура и супруг — д. Ирон. АБ912 (111,36); [Распорядитель:] О, олух! олух! ду... Я говорил тебе: вино! [здесь: усеч.] РП Хл909,11 (410);

Обращает на себя внимание лексическое окружение разбираемой лексемы. *Дурак* встраивается в ряд однородных членов: *дурак, герой, интеллигент: А зади, в зареве легенд, Д., герой, интеллигент*

В огне декретов и реклам Горел во славу темной силы, П923,28 (1,275); дурак и старый мерин: из письма / Онегина к Татьяне. / — *Дескать, / муж у вас / д. / и старый мерин, / я люблю вас, / будьте обязательно моя, / я сейчас же / утром должен быть уверен, / что с вами днем увижусь я.* — / Аллюз. Ирон. М924 (123); дураки и подхалимы: *Дураков / больших / обдумав, / взяли б / в лапы / лупы вы. <...> крупных / вылови налимов — / кулаков / и бюрократов, / дураков / и подхалимов*, М929 (361); шелкунчик, дружок, дурак: *Ох, как крошится наш табак, Шелкунчик, дружок, дурак!* ОМ930 (160.1).

Разнообразят образ дурака определения у Блока — *нищий*, а также у Хлебникова: *святочный, бедный, безумный*.

В поэтической картине мира начала XX века мифологический пласт образа дурака представлен только аллюзийно у Пастернака: *Что мне сказать? <...> Что ум черствеет в царстве дурака?* П926 (1,244).

Элемент значения 'юродивый' находим лишь у Мандельштама: *На тебя [А. Белого] надевали тиару — юрода колпак, Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!* ОМ934 (206.2)

Анализируемые лексемы используются в поэтических произведениях в составе фразеологических оборотов. Так у поэтов начала XX века находим выражения: *ищи получше дураков; нет дураков, валять дурака, не дурак* (что-либо сделать), *как дурак* (3 контекста): *И древние болячки от оков Ты указал ночному богу — Ищи получше дураков!* — НАР Хл920,21 (281); *Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его, / стоять перед «маэстрами» толпой разинь. / Товарищи, / дайте новое искусство — / такое, / чтобы выволочь республику из грязи.* М921 (95); *Буду громко сморкаться в руку И во всем дурака валять.* Ес922 (11,117); *Шофер, как видно, не дурак, Пускает запрещенный ход, Застопорил лишь у ворот.* Куз928 (316; *А я как дурак на гребенке Обязан кому-то играть.* ОМ933 (197.2).

Хлебников в стихотворении «Зверинец» воспроизводит речь попугая, у поэта появляется слово *дюрьяк*: *Где, войдя в душную обитель, в которой трудно быть долго, я осыпаем единокдушным «дюрьяк!» и кожурой семян праздных попугаев, болтающих гладко.* Хл909,11 (185).

Лексема «дурачок» характеризуется как разговорная: *И сидим мы, дурачки, — Нежить, немочь вод.* РП АБ905 (11,10).

У Анненского слово наделяется эмоционально-положительной окраской. Оно сочетается со словом «дурашный»: *«Что это — д.?» — «Так точно, он — дурашный... <...>»* РП Анн906 (169).

Существительное «дурень» имеет характеристику «просторечное»: Цв (5), М (2): *Разошелся д.: Аж грозитя Деве! — А родства-то: шурин,*

Тесть, да зять, да деверь... Цв920 (111,247); — Что вы, дурни, Царю брюхо пороть? У Царя-то, чай, священная плоть! РП Цв920 (111,267); То звякнет, / то вспыхнет / трехверстный джаз. / Дурню покажется, / что и взаправду / бывший рай / в Гаване как раз. М925 (178);

Лексема «дурочка» встречается по одному разу у трех поэтов: Ахм, Куз, Хл. Обращает на себя внимание субъект данной характеристики в стихотворении Кузмина. Не человек, а муза наделяется свойством «дурочки»: *Муза вскочит, про любовь расскажет (Она ведь глупенькая, д.) Но взглянешь, как веревкой вяжет Последний тюк наш милый Юрочка [Юркун], — Куз917 (175).*

Лексема «дурь» [разг.] Хл, Цв 4, Ес 2, Куз используется в том числе в конструкции «до дури» в значении — очень интенсивно: *Потом, насосавшись до дури, Взволнованно и горячо О сдавшемся Порт-Артуре Соседу слезил на плечо. Ес925 (111,199).*

Таким образом, анализ словарных статей СЯРП доказывает, что язык художественной литературы лишен замкнутости, он включает лексемы, принадлежащие к различным стилистическим пластам, в том числе бранную лексику. Широта привлекаемых в художественный текст языковых средств обусловлена свойственной ей широтой охвата действительности, проникновением во все сферы человеческой деятельности. Установка на сближение различных стилистических пластов лежит в русле демократизации поэтических произведений начала бурного XX века. Семантика лексем данной группы синкретична, диффузна в силу неоднозначности образа «дурака» в русской культуре. В поэтический текст слова указанной группы входят как элементы речевой характеристики, в основном в значении 'глупый человек'. В переносном значении «дурочка» определяет высокую лексику — «муза» в идиостиле Кузмина.

Чаще других в начале XX века интересующей нас лексикой пользовались: Цветаева, Пастернак, Маяковский. Именно эти авторы и стали первопроходцами в деле скрещения высокой поэтической лексики и разговорных и просторечных единиц языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004.

Владыко Н. Образ дурак в русском языке (опыт сравнительного анализа психически актуального и лексикографического значений слова) //

Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 51–59.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А — З. М.: 2006.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. 350 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. ИВАН ДУРАК // Мифологический словарь. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 228–229.

Карасик В. И. Оценочно-статусное значение // Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. С. 263–299.

Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 809–819.

Маслова Ю. В. Лингвокультурема «Дурак» в англоязычной и русскоязычной рок-поэзии // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 10 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturemadurak-v-angloyazychnoy-i-russkoyazychnoy-rok-poezii> (дата обращения: 28.04.2024).

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. № 1/2. Берлин, 1994. С. 50–73.

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.

Петрова Л. А., Лиходеева А. А. Коммуникативные черты Трикстера в фольклорных образах героя-дурака // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyecherty-trikstera-v-folklornyh-obrazah-geroya-duraka> (дата обращения: 28.04.2024).

Словарь современного русского литературного языка (ССРЯ). Изд. 2-е, переработанное. Т. 1. М.: «Русский язык», 1991. С. 737.

Словарь современного русского литературного языка (ССРЯ). Том третий. М.—Л., 1954. С. 1161–1167.

Словарь языка русской поэзии XX века. Том II: Г — Ж / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2003. 800 с. (Studia philologica).

Словарь языка русской поэзии XX века. Том VI: Пе — Радость / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2015. 968 с. (Studia philologica).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 219.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Черкасова М. Н. К вопросу о фреймо-слотовой структуре концепта дурак // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-freymo-slotovoy-strukture-kontseptadurak> (дата обращения: 02.04.2024).

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_39-48